



Борис Кудяев

Пуле переводчик не нужен

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=573525

Пуле переводчик не нужен : роман / Борис Кудяев: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-46262-9

Аннотация

Работа военного переводчика, при всей кажущейся романтике и эксцентричности, тяжела и опасна. Чужие страны, чужие войны, на которых пуля не разбирает, кто враг, а кто человек сугубо мирной профессии, угодивший в пекло... Кроме того, эта профессия зачастую связана не только с войной, но и с международным шпионажем. За границей переводчики далеко не всегда работают на торговых представителей или маститых ученых. Чаще их «клиенты» – военные атташе, дипломаты и сотрудники спецслужб. Именно с этими людьми столкнулся главный герой книги во время работы переводчиком в Индии и Пакистане...

Борис Кудаев

Пуле переводчик не нужен

In limine (лат.).

В начале.

(Первые слова Библии).

Переводчик. Пакистан. Карачи

Иэн Флеминг вовсе не такой уж хороший писатель. Все мы любим фильмы о Джеймсе Бонде, особенно в исполнении Шона Коннери, но это просто тот редкий случай, когда фильмы лучше книг. Когда Брокколи и Зальцман выкупили чохом все книги о Бонде, они были так неуверены в успехе, что свою компанию назвали EON (Everything Or Nothing – пан или пропал). Флеминг не смог уберечься от повторов и штампов, хотя его за это не раз высмеивали даже американские критики, привычные к языку своих соплеменников, весьма далеких от стиля Сомерсета Моэма и Грэма Грина. Найдите в любой его книге какое-либо место, где он описывает события, происходящие в Москве. Бьюсь об заклад, что эта глава начинается словами: «сумрачным московским утром...» или «под давяще низким зимним московским небом...». Он, по-видимому, и представить себе не мог, как играет солнце на куполах Василия Блаженного и белый тополиный пух плавает среди желтых солнечных бликов в бассейне парка Горького. Ну, насильно мил не будешь. У Флеминга один из его героев вернулся из России с любовью. А вот автору этого чувства изведать не привелось. Да и бог с ним. Он успешен и в моем одобрении не нуждается. Тем более что в то утро он был бы прав...

В легком костюме без подкладки было холодно. Ранним февральским утром я стоял у трапа «Боинга-707» компании «Эр Индия» в Шереметьево. В который раз пограничники проверяли паспорта и посадочные документы – что-то у них не сходилось. Когда я наконец устроился на своем месте в салоне и огляделся, самолет уже выруливал на старт. Первые впечатления – тихая музыка, красивая обивка и ширина пассажирских кресел. Стюардесса в сари принесла клетчатый шерстяной плед и предложила чай, кофе, сигареты и свежие номера «Тайм» и «Ньюсуик». Салоны самолетов, принадлежащих государственным компаниям, таким как «Аэрофлот», Air India, Royal Dutch Airlines (их называют Flag carriers: на стабилизаторе у них – государственный флаг), по международному праву являются территорией этих государств, и я был уже за границей, хотя в окно в сером рассвете московского утра все еще был виден светящийся параллелепипед Шереметьево-2.

Все переводчики помнят свой первый выезд за рубеж. Анекдотов на эту тему почти столько же, сколько у артистов о первом выходе на сцену. Я – не исключение. Рейс предстоял очень долгий – из Москвы в Ташкент, из Ташкента в Дели; затем мы пересаживались на самолет пакистанской PIA до Карачи, а этот рейс направлялся в Рангун и Джакарту. Мои подопечные – геолог Михаил Бахтин с женой и сынишкой, – согрелись, тут же заснули. Для них это было проще, чем для меня, ведь на них не действовали внешние раздражители – английская речь, американские журналы, брошюры об «Эр Индия». Я углубился в чтение. «Тайм» сразу очаровал меня своеобразным языком и стилем – прошло уже сорок лет с тех пор, а я, впоследствии став постоянным их читателем, не устаю восхищаться редакторами «Тайм» и «Ньюсуик». Сохраняя индивидуальность своих корреспондентов, они раз за разом, номер за номером, пятьдесят два раза в году ухитряются создавать маленькие шедевры особого, ни с чем не сравнимого стиля. Так пишут и так излагают материал только в «Тайм» и в «Ньюсуик»!

Впереди меня сидел солидный и, как мне показалось, очень обаятельный мужчина средних лет. Салон был полупустой, и он сидел один, удобно разложив на соседних креслах

аксессуары, говорившие о хорошем вкусе и довольно высоком положении, – трубку из вишневого корневища, пакеты табака «Кэптэн» и «Голд Флэйкс», золотую зажигалку «Ронсон», очки в оправе «Макнамара» и плоскую серебряную карманную фляжку. Вот эта фляжка меня и подвела. Раз есть фляжка – значит, есть в ней виски или коньяк, а это, в свою очередь, значит – человек общительный, а не брюзга какой#нибудь. Наверное, чиновник из Министерства внешней торговли. Откуда мне было знать, что в этой фляжке – молочко магнезии, патентованное средство от болей в желудке. Говорил он со стюардессой по#английски, а с молодым своим компаньоном, сидевшим через проход, – по#русски. Все это, вместе взятое, убедило меня, что я не ошибусь, заговорив с этим человеком.

Для этого я со своего места пересел на краешек сиденья, соседнего с ним, поздоровался и задал вопрос, который тогда интересовал меня больше всего: прочитав ему выдержку из репортажа «Тайм» и прокомментировав ее на английском, спросил, смогу ли я с таким знанием английского языка работать в Пакистане. Он понял сразу все: и постоянное сомнение провинциала в своей профессиональной компетентности, и необходимость в самоутверждении, и переполняющее меня чувство гордости – в 21 год выехать на самостоятельную работу в капиталистическую страну по тем временам и для столичного специалиста было бы достижением, – и ответил что#то весьма благожелательное. Я ретировался на свое место, а через минуту ко мне подсел его молодой компаньон. Он объяснил мне, что этот человек – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Индонезии, что путь предстоит неблизкий, что посол устал и не надо его беспокоить. Посол... Господи! Для меня это слово звучало тогда так же, как «небожитель»...

Но чувство самоуспокоенности, возникшее после одобрительных слов посла, было напрочь сметено через несколько часов в зале прибывающих пассажиров делийского аэропорта Палам. Пограничник, неодобрительно посматривая на меня и моих спутников (он сразу невзлюбил нас за то, что, судя по билетам, мы дальше должны были лететь в Карачи, то есть в Пакистан, который уже несколько раз воевал с Индией), спросил на каком#то чудовищном диалекте: «Дыс чхотта бэби уид я?» Я остолбенел. Я не понял ни одного слова, кроме «бэби». Стоявший за нами молодой и загорелый человек в кашемировом пуловере – самой удобной для Дели одежде в феврале (это я узнал намного позже), спокойно «перевел» мне на нормальный английский: «Господин офицер хочет узнать, с вами ли этот ребенок? Чхотта – значит «маленький» на хинди». Но ведь только *это* слово было на хинди, а все остальные – неужели на английском? Так я впервые столкнулся с «пиджин инглиш» – «самодельным», как сказал бы Андрей Платонов, английским языком, на котором говорят бенгальцы, меланезийцы, полинезийцы, нигерийцы и другие экзотические, «богом разукрашенные народы».

Когда мне пришлось позднее в Бангладеш работать с местным чиновником, господином Бадруддоджой, я, профессиональный переводчик, был впервые в жизни вынужден прибегнуть к услугам другого переводчика. Доктор Кадри переводил мне на нормальный английский все то, что говорил на этом английском языке Бадруддоджа, а я переводил далее на русский – работа продвигалась вдвое медленнее, но другого выхода не было, иначе работа не шла совсем. Я так и не смог усвоить этот чудовищный жаргон. Странно – ведь, хотя я совершенно не способен понять, что такое косинус, с языками я никогда особых трудностей не испытывал.

В университет я поступил, уже прилично владея английским языком. Моей настоящей, не школьной учительницей, или, как теперь говорят, репетитором, была замечательная русская женщина – Елизавета Романовна Сыромятникова. Внучатую племянницу графа Льва Николаевича Толстого в Нальчик забросила довольно тяжкая судьба. Дворянка, великолепно владевшая английским, французским и немецким языками, она приехала вопреки воле родителей молоденькой девушкой в Россию из Лондона, где жила ее семья, чтобы стать санитар-

кой и ухаживать за русскими солдатами и офицерами, ранеными в ходе Первой мировой войны. Романтика юности вышла ей боком и жестоко исковеркала всю ее жизнь – здесь ее застала революция, затем гражданская война, и возвращение в Англию стало невозможным. Она бедствовала, пока не пришло время налаживать международные связи большевистского правительства. В Россию стали приезжать иностранные специалисты. Она стала переводчицей, затем преподавала английский язык в Сельскохозяйственной академии ВАСХНИЛ. Семьи не создала, друзей не было – сверстники чурались ее, ведь в ее анкете было указано: «из дворян».

Отечественная война застала ее на каникулах, неподалеку от Гатчины. Когда пришли немцы, кто-то из селян подсказал им, что городская учителька может им помочь – знает немецкий. Потом вернулись наши и, недолго думая, посадили ее за сотрудничество с оккупантами. Так как особых обвинений против нее выдвинуто не было, ее отправили отсиживать срок на юг, в Нальчик. Здесь ее и освободили через восемь лет, но без права проживания в столичных городах и без права преподавания в государственных учебных заведениях. Деваться ей было совершенно некуда, и она осталась в Нальчике, а так как ничего другого она не знала и не умела, то стала заниматься с детьми языками. Когда я в девятом классе схватил очередную двойку по английскому в школе, мама решила, что пора найти мне репетитора. Так я оказался в крохотной комнатке на улице Чехова, где постоянно бормотал на английском языке голосами дикторов Би-би-си хороший многоламповый «Филипс» – единственный предмет роскоши в спартанском быту Елизаветы Романовны.

Через полгода я стал первым учеником (по иностранному языку) в классе, а в десятом уже сносно говорил на английском. Даже бытовой арабский мне дался сравнительно легко – через полгода жизни в Каире я неплохо объяснялся в магазинах, парикмахерских и с таксистами без помощи английского языка. А вот с *этим* английским... Я был очень растерян и расстроен. А тут еще младший Бахтин... Мы прошли от паспортной стойки в зал транзитных пассажиров, малыш требовал воды, и мы вспомнили, что в солидном здании на Большой Грузинской, 4, нас предупреждали – не пить воду из питьевых фонтанчиков, не класть в воду лед – ведь его замораживают из некипяченой воды. И кто-то очень умный сказал Бахтину, что кока-кола – яд, который растворяет даже манильскую пеньку корабельных канатов! Вот и купили малышу бутылочку безобидной на вид водички молочного цвета. У нас все молочное ассоциируется с детским питанием. Она оказалась с перцем, который индусы обожают, и басовитый рев обиженного ребенка сопровождал нас до самой посадки в «Суперконстэллейшн» пакистанской компании. Кошмар...

Как ни старались стюардессы предотвратить такое, в Карачи вместе с душным запахом жасмина в самолет ворвался рой громадных зеленых мух. Лица пассажиров сразу покрылись испариной, линзы очков у них запотели, так как очки были холодными от самолетного кондиционера, а воздух ночного Карачи – теплый и влажный даже в феврале. Аравийское море дышало совсем близко. Было время до полуночи, ветер дул из пустыни, и испарения открытой канализации большого города странно смешивались с тяжелым ароматом тропических цветов. Обоняние привыкает к запахам, и через три-четыре дня перестаешь чувствовать этот своеобразный аромат. Но стоит выехать из Карачи на несколько часов – и, вернувшись, вновь чувствуешь себя, как в туалете на цветочном базаре. После полуночи ветер меняется. Дует с моря, и йодистый запах водорослей смешивается с запахом гниющего в теплой воде содержимого все той же открытой канализации, которая в целях экономии выведена по кратчайшему пути прямо в бухту.

Встречавший нас сотрудник геологоразведки, работавший в Карачи в представительстве Министерства геологии СССР, снабдил нас валютой на первое время и отвез на виллу, принадлежавшую представительству. Старая шутка: «Из десяти человек в геологоразведке за границей двое обычно – геологи, а остальные – разведка». Я до сих пор помню адрес –

Шахида миллиет роуд, 9. Мой первый адрес за границей. Шахид – значит мученик. Миллиет – независимость. То есть улица в честь погибших за свободу и обретение государственности Пакистаном. Тогда я еще не знал, что слово «шахид» будет преследовать нас, как кошмар, через сорок лет. Террористы, называющие себя шахидами, будут взрывать мирные кинотеатры, школы и торговые центры якобы в борьбе за свободу и независимость. Беда только в том, что они никогда не знают, что делать с этой завоеванной государственностью. Одно дело – грабить то, что создали другие. Иное дело – организовать общество, создающее эти ценности. Бандит не может стать государственным деятелем. При малейшем неповиновении у него срабатывает стереотип главаря бандитской шайки, и рука тянется к спусковому курку автомата. Конфуций писал, что любовь целого народа к мужеству и нелюбовь к учебе ведет этот народ к смуте. Мученики... Невозможно представить себе Иисуса с автоматом в руках!

Шахида миллиет роуд, 9. Эта вилла была перевалочной базой перед постоянным расселением, поэтому она сохранила свой адрес. В Карачи у русских была привычка называть дома не по адресам, а по каким-то другим признакам. По цвету окраски или соседству. В «белом доме» жили переводчики, в «доме напротив австрийского посольства» – буровики, в «доме на пустыре» – геологи. Больше всех повезло вертолетчикам – они жили в «желтом доме». В «белом доме» был плохой повар, а вертолетчики хвалили своего, и я поселился у вертолетчиков. Дом был действительно ярко-желтым. Кроме хорошего повара там было еще одно преимущество. Далек от «дома на пустыре», где поселились Бахтины. Я всегда старался во вне рабочее время держаться от сослуживцев подальше. Больше будут любить.

Foolproof (англ.).

Застраховано от дураков.

Переводчик. Бенгалия. Читтагонг

Как трогательно заботятся о себе чиновники во всех странах мира! В нищем Пакистане любой правительственный чиновник может остановиться совершенно бесплатно в rest house. Это – в каждом городе и крупном селе – комфортабельное бунгало с двумя спальными комнатами и гостиной посередине. Каждая спальная комната имеет свой санузел с душем и черным ходом для слуг. Кук, свипер, чокидар, то есть повар, уборщик и привратник – стандартный набор прислуги. Вполне достаточно, так как свипер отнесет ваши вещи дхоби – прачке (и в Пакистане, и в Индии – только мужчины!), а чокидар сбегает за кока-колой или сигаретами в ближайший магазин. Повар бесплатно приготовит из ваших продуктов сносный обед, а его жена за гроши почистит и погладит вам костюм.

Когда мы подъехали к рест-хаузу в Дакке, наши пакистанские коллеги уже ждали нас. Чокидар внес чемоданы через веранду в гостиную и толкнул дверь налево, в нашу спальню. Она оказалась запертой на засов изнутри. Он работал здесь давно и знал, что в спальню можно пройти через черный ход. Обойдя дом, чокидар прошел через черный ход в санузел, оттуда в спальню, отодвинул засов и, открыв дверь, лучезарно мне улыбнулся. Однако ответная улыбка замерла у меня на лице, когда он, вместо того чтобы взять стоящие на пороге чемоданы и занести их в спальню, повернулся, прошел через спальню в санузел, вышел через черный ход, обошел вокруг дома, взошел на веранду, оттуда – в гостиную, взял чемоданы и занес их в спальню. Впору было засмеяться, но у меня по спине прошел холодок – ведь мне работать с этими людьми!

Понемногу я понял, что англичане были не такие уж и снобы, когда раз и навсегда постановили, что любая система в колониях должна быть foolproof. То есть устроена так, что даже при условии наличия вокруг одних дураков она должна работать... Человек привыкает ко всему. И я со временем привык к тому, что эти люди, весьма своеобразно воспитанные и обученные, считают себя средоточием вселенной, искренне жалеют нас, неучей, не понимающих истинные ценности жизни вообще и ислама в частности. Мой слуга, Саид Али, которого приставила ко мне и чьи услуги оплачивала Корпорация по развитию нефтяной и

газовой промышленности Пакистана, был ярким образчиком своего народа. Когда он, проходя мимо меня, начал делать характерное движение, как будто сдувая с плеч перхоть, я возмущился. Я знал, что, по мусульманскому обычаю, он «сдувает с плеч шайтанов». Выключив маленький транзистор, по которому слушал новости, я спросил его, в чем дело. Ответ поверг меня в изумление. «Я знаю, что такое радио, сэр! Это вполне понятная вещь. Голоса и музыка попадают туда по проводу. А эта маленькая штука, говорящая по-английски без проводов – дело рук шайтана!» Когда он однажды зашел в мою комнату с замотанной шарфом головой, слезящимися глазами, насморком и кашлем, я обратил его внимание на то, что в муссонные дожди нельзя ходить во вьетнамках – ноги застуживаются. Он посмотрел на меня с сожалением, как смотрят на хорошего, но очень недалекого человека. «Вы не поняли, сэр, – просипел он, – у меня с ногами все в порядке! У меня горло простужено и насморк мучает...» Однажды, по дороге в Кветту, мы проезжали Шикарпур. На хинди и урду шикари – охотник, а Шикарпур – город охотников. Естественно, что такое название не могло пройти городу даром. Анекдоты про шикарпурцев в Пакистане и Бенгалии соперничают с анекдотами про сикхов в Индии. Саид Али повернулся ко мне в машине на развилке между Суккуром и Шикарпуром и, лучезарно улыбаясь, показал грязным пальцем в сторону Шикарпура. «Вы знаете, сэр, что в Шикарпуре живут одни дураки?» Господи, спаси и помилуй...

Прежде всего – не быть бедным!

Шарль-Морис Талейран

Переводчик. Читтагонг. «Мискха»

Наутро, выйдя на улицу и прогуливаясь в ожидании коллег, я вдруг услышал, как меня зовут с балкона второго этажа соседнего дома. Молодая женщина в сари тихонько приговаривала «кам, рашн, кам!» и делала мне знаки, не оставлявшие сомнений о цели приглашения. Я только успел подумать, что жена чокидара уже проинформировала соседей о национальном составе нашей экспедиции. Вышедшая на балкон вторая дама, однако, оказалась не только старше, но и гораздо опытнее своей подруги. «Silly, don't you know that the Russians never visit us!» («Глупая, ты что, не знаешь, что русские никогда к нам не заходят!») Ее уверенность в моем моральном облике была мне почему-то неприятна, и я обрадовался, когда коллеги вышли из бунгало усаживаться в микроавтобус – ехать в аэропорт.

В Читтагонг прилетели без приключений, хотя древний «Фоккер-Френдшип», у которого кабина пилотов не отделялась от пассажирского салона, позволил нам быть свидетелями всех подробностей полета. Центральный отель Читтагонга – «Мискха», который мы сразу же прозвали «Мишка», стал нашей базой на ближайшие три месяца. Построенный еще англичанами на главной улице города, он был в свое время эталоном колониального комфорта. На крыше отеля торчали каминные трубы с поворачивающимися раструбами – они ловили малейшее дуновение ветерка и посылали его в номера. Если ветра не было и этот своеобразный «вентилятор» не работал, то огромные опахала из циновки, свисавшие с потолка в каждом номере, приводил в движение, дергая за веревки, специальный служака, сидевший в камерке между четырьмя номерами. В его камерку через систему блоков сходились все эти веревки. Вызвать прислугу можно было, потянув за старинный витой шнур, свисавший с потолка около кровати. Сразу вспомнился рассказ о Шерлоке Холмсе – «Пестрая лента».

Огромная дубовая кровать с твердым матрасом и валиком вместо подушки – в жару невозможно спать на мягком – была укутана противомоскитной сеткой. Принято считать, что она спасает от москитов. В Читтагонге это была сетка от всего – и от москитов, и от комаров размером с муху, и от мух размером с бабочку, и от бабочек размером с птицу, и от пауков, охотившихся на мух, и от ящериц-гекконов, которые охотились на них на всех, шныряя по стенам на своих лапках с присосками и не обращая никакого внимания на людей.

Одна ящерка была смелее других и подползала прямо к пальцу, если им тихонько постукивать по стене. Наверное, она воспринимала колебания. Розоватые полупросвечивающиеся лапки и бусинки-глаза. Я назвал ее Наташкой, и нас в комнате стало двое. Почему я решил, что это была она? Потому, наверное, что по#русски ящерица – она, а ящер – это что#то очень большое и страшное.

Около отеля был один из немногих в Читтагонге широких асфальтовых тротуаров, место ночлега большинства бездомных в городе. Нагретый за день асфальт медленно остывал под храп, стоны и бормотание людей, закутанных в лохмотья. На рассвете этот народ расходился по своим рабочим местам на базарах и стройках города, не обращая внимания на тех, кто не поднялся. Может, у них сегодня свободный день, а может... Полицейский грузовик приезжал к восьми часам, и, если человек не реагировал на пинок полицейского ботинка, его брали за ноги и за руки и бросали в кузов. Отмучился! Они были так слабы от постоянного недоедания и болезней, что работники из них были аховые. Я неоднократно видел, как пакистанцы и бенгальцы засыпают канаву. У нас это легко делает один человек с лопатой. В Пакистане и Бенгалии один рабочий стоит с лопатой на той стороне канавы, где свалена выкопанная земля. К лопате внизу, у штыка, привязана веревка, конец которой держит другой рабочий, стоящий на противоположной стороне канавы. Рабочий с лопатой ставит лопату на землю и, наступая на нее, вгоняет штык в землю. Другой тянет за веревку, и земля ссыпается в канаву. Вот такой экскаватор в две хилые человеческие силы.

Кстати, я сказал «от недоедания». Мало кто знает, что холеные чиновники из ООН разработали особую «шкалу питания». Если человек ест хотя бы по куску хлеба два раза в день – он питается скудно, но нормально. Если скудно ест только раз в день – он «недоедает». Если он ест скудно и не каждый день – вот тогда только он «голодает». За день изнурительной работы на стройке, когда надо с раннего утра до заката (12 часов) носить по шатким бамбуковым лестницам по 4 кирпича на 5#й этаж строящегося здания, рабочий получает 2 рупии – пятую часть доллара в день. Лучше нищенствовать! Было очень опасно подавать милостыню на базаре или на тротуаре около «Мишки». Невесть откуда взявшаяся толпа нищих требовала своей доли так агрессивно, что можно было лишиться рукава рубашки, за который дергали «ходячие» нищие, или штанины, за которую тянули безногие.

Город каждый год подвергается разрушительному тайфуну. Когда я читаю в газетах, что половина Читтагонга сметена с лица земли, я представляю себе картину, увиденную с крыши отеля: несколько каменных и кирпичных зданий города – отель, мэрия, полиция, казарма, портовое управление и склады, кинотеатр, пара многоэтажек, где проживала чиновничья братия, и несколько вилл на холме торчат среди моря разбросанных ураганом кусков фанеры, картона, ржавой жести, обломков шифера, разномастных досок. Это останки «домов» основной массы жителей Читтагонга. Да, город практически разрушен – и это святая правда. Как правда и то, что на другой день после тайфуна он будет стоять вновь, как стоял и ранее. Лачуги скрепят проволокой, обрывками веревок и ржавыми гвоздями. Только вони какое#то время будет меньше – тугие струи тропического ливня смыли накопившиеся нечистоты в море. А всю собранную гуманитарную помощь из разных стран уже в который раз разделят между собой владельцы и начальники кирпичных зданий города, не пострадавших от тайфуна, – мэр, начальник полиции, начальник порта, почтмейстер, таможенник и иже с ними.

В первый же выезд за рубеж судьба забросила меня в страну, которая была прямой противоположностью моей родины. На Кавказе – горы. Горы – это камень. В Восточной Бенгалии нет камней. Вообще нет. Страна сложена из илистых отложений бесчисленных рукавов Ганга, и даже Читтагонгские холмы состоят целиком из сланца. Он мылится в воде и становится мягкой зеленой или синей глиной. Камень здесь очень нужен – например, чтобы мостить дороги. Но его нет. Бенгальцы привыкли, что им ничто не дается просто. Если надо

мостить дороги, значит, надо из глины сделать кирпичи. Глины, слава богу, хватает. Кирпичи, положенные на землю плашмя, раскалываются от тяжести проезжающего автомобиля. Значит, надо их ставить стоймя. Один держится за другой, один ряд подпирает другой, кирпичи на три четверти закопаны в землю – мучительно медленно продвигается строительство дороги, но другого способа нет. Ведь щебень надо будет везти из#за моря. Поэтому бетон очень дорог – еле осилили строительство посадочных полос аэропортов в Дакке и Читтагонге.

Все в Бангладеш упирается в цену перевозки. Бананы здесь растут замечательно – жарко и влажно, земля насыщена продуктами перегноя огромной массы зелени, три месяца подряд идет дождь – муссон. Дюжина дюжин, по#английски «гросс», то есть 144 банана, прикрепленные к длинной жерди, как на Кавказе вяжут лук, стоит всего 4 рупии, полдоллара. Бананов много, а везти их некуда и продать некому. Крестьянину нужны спички, керосин для лампы, соль, сахар. Хотя без сахара можно обойтись – есть фруктовая пастила, есть финики, есть немного сахарного тростника. Соль, хоть и горьковатую и серого цвета, можно выпарить из морской воды. Он отдает за бесценно свои бананы и сушеную морскую рыбу жителям холмов. Женщины этого племени – мога, – одетые только в плетеные из джутовых стеблей юбочки и голые по пояс, раскачиваясь в такт своей походке, несут на бамбуковых коромыслах тяжелые плетеные корзины. Они приносят на обмен керамические горшки и чашки, ножи и мотыги. Племя мога – гончары и кузнецы. На холмах растут настоящие деревья – есть дрова для гончарной печи и кузнечного горна. В долине есть только кустарник, финиковые и кокосовые пальмы. Они почти не дают жара, а банановая пальма вообще в принципе гореть не может – это гигантская трава. Но керосин и спички – огромная проблема. Поддерживать постоянно огонь в очаге, когда три месяца идет дождь и нет кругом ни одного сухого дерева – невозможно. Электричества, за исключением Дакки и Читтагонга, нет.

Зато есть дети. Их много. И хотя бедняжки мрут от бесчисленных болезней и дремучего невежества родителей, семья с девятью-десятью детьми – обычное явление. На тех, у кого их всего трое, бенгальцы смотрят с сожалением, как на бездетных. Европейцу никогда этого не понять! При виде беременной женщины, впереди которой идут трое детей, сзади, хныкая, тащатся еще трое, и которая на руках держит грудного ребенка – одно только приходит в голову: родители настолько бедны, что махнули на все рукой, где семь детей, там и восемь. Если будет плохой год, то слабые и больные сами умрут. Бог дал, бог взял!

Все бенгальские крестьяне одеты в серое. Не потому, что таков обычай. Потому что мыло и стиральный порошок – это роскошь, а водой, даже морской, одежду не выстираешь добела. Да и лесс кругом. В сухой период – пыль, в муссон – грязь. Изможденные лица, ноги выше и ниже колен – одинаковые по толщине, кожа да кости. Все бенгальские крестьяне одеты в серое. В белом их только похоронят.

Даже когда съездишь в какую#нибудь страну на неделю, и то чувствуешь потом какую#то сопричастность ко всему происходящему в этой стране. А ведь в Бангладеш я провел без малого год. Я полюбил эту страну, где так часто дух захватывало от красоты пейзажа, который каждый из нас видел на красивых открытках о тропических островах: невероятно чистый и девственный песок, набегающие изумрудные волны и тонкие высокие пальмы, склонившиеся в сторону моря... И названия деревень, врезавшиеся в переводческую память своей певучестью и красотой: Илани, Джалиаполонга... Я искренне жалел народ, который тяжким трудом едва ухитрялся остаться в живых, желал ему свободы, независимости и процветания. Я был наивен до слепоты, я был уверен, что время течет только вперед, что перемены – это и есть прогресс, что независимость и процветание страны идут рука об руку, что свобода – это когда твоя страна не является колонией другой страны, что люди рождаются равными. Это потом, через много лет я приду к убеждению, что нищий, вопреки постулатам

буддизма и ислама, в принципе не может быть свободным. Он может быть счастлив, как счастливы многие пациенты психиатрических больниц, но не может быть свободен.

Pas trop de zele (фр.).

Не слишком усердствуйте.

Наставление Талейрана молодым дипломатам

Переводчик. Индия. Палам

Я вздрогнул, увидев его выходящим из#за конторки паспортного контроля. В голове сразу же пронеслась мысль, что правительственный визит будет безрезультатен. Иначе Обозреватель не появился бы здесь. Для банального освещения визита достаточно было бы и собственных корреспондентов многочисленных газет, журналов и ТАСС, аккредитованных в этой столь дружественной стране. Значит, в Центральном Комитете уверены, что Индия и Пакистан опять не найдут общего языка и новая война неизбежна. Война. Нас с Обозревателем объединяло только одно это короткое слово. Нет, не только. По сложившейся в стране традиции, те члены ЦК, избрание которых в Верховный Совет не могла обеспечить Москва и Московская область, распределялись по всей стране. Обозреватель вот уже несколько раз избирался на моей родине, в Нальчике. И хорошо знал нашу республику – речи себе он, слава богу, писал сам. Не в пример многим партийным боссам, которые и двух слов связать не могли без бумажки, подготовленной помощниками.

Обозреватель приехал за четыре дня до начала визита русского премьер-министра. Нас почти никогда не называли в Индии иначе, чем Russians – русскими, независимо от нашей национальности. Как и перед первой войной, когда он приехал через месяц после меня, таможенники и паспортный контроль были предупреждены – не чинить никаких препятствий русским. Никаким русским – будь то корреспонденты со своими операторами, контрабандисты или наркокурьеры. Эти тоже знали о предстоящем государственном визите, знали об обязательных послаблениях таможенного режима накануне визита (кому нужен громкий скандал в такое время?). Знали они и о неминуемом усилении паспортного режима, но не боялись его – они не террористы, их имен нет в полицейских досье, а документы у них скромные, но подлинные. Таможенники не обижались на спецслужбы и МИД за такую тактику – они свое возьмут потом, наверстают с лихвой, а сейчас небольшое оживление на рынке контрабанды золота, драгоценных камней и наркотиков никого не огорчит: сырье в Россию из Индии не идет, а у «тяжелых наркотиков» – hard drugs из «золотого треугольника» и драгоценных камней объем невелик, можно сделать вид, что ничего не замечаешь. Контрабандисты мешают настоящие сапфиры, топазы и александриты с бижутерией и стразами и смотрят на таможенников невинными глазами младенцев – они знают, что если у них билет до Москвы, их никто сейчас трогать не будет. Определить наличие или отсутствие оптических осей в настоящем драгоценном камне для таможенника – плевое дело, ну да ладно уж... Пусть контрабандистов русские ловят, когда те будут пробираться в европейские страны через западную границу России.

Аэропорт Палам работал в обычном режиме. Мягко звучали голоса дикторов, тихо гудели пылесосы, чуть слышно доносилась музыка из дьюти-фри-шоп – беспрошльного магазина. Покупатели, пользуясь экстерриториальной безналоговой ценой, приобретали японскую и корейскую электронику, приценивались к немецкой и голландской и делали вид, что их вовсе не потрясают цены на американские и английские стереосистемы ценой в тысячи долларов.

В тот день я был дежурным переводчиком в аэропорту. Это была устоявшаяся практика во всех столицах Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, где были крупные русские «колонии», – встречать еженедельный рейс «Аэрофлота», чтобы помочь тем, кого не встречают ни коллеги, ни родные. Сотрудники аэропорта знали в лицо переводчиков посольства,

консульства и торгпредства и относились к ним почти как к своим. Особенно таможенники – ведь мы помогали прибывшим заполнять декларации. Но сегодня дежурный таможенник не улыбался мне, как обычно. Не потому, что прибывшие этим рейсом не нуждались в моей помощи – журналисты и дипломаты сами привыкли заполнять свои декларации. Видимо, он все#таки чувствовал себя не в своей тарелке – ведь неудобно совсем уж не исполнять своих обязанностей! Но, с другой стороны, самое высокое начальство приказало – не усердствовать! Не глядя, брезгливым движением поставил мелом кресты на чемоданах Обозревателя, сделал знак носильщику, которого здесь называли не porter, как везде в бывших английских колониях, а «бера» – искаженное от английского beager, – забирай, мол, и повернулся к следующему пассажиру.

Ab uno disce omnes (лат.).

Узнав одного, знаешь их всех.

Сикх. Дели. Палам

Сегодня рейс «Аэрофлота» принимал таможенник Сварам Сингх. Раз фамилия человека Сингх, то не надо говорить о его вероисповедании. Он сикх. Это единственное сообщество людей на всей планете, где все носят одну и ту же фамилию – Сингх, почти одинаково одеваются и совершенно одинаково стригутся и бреются. То есть совсем не стригутся и не бреются. Выросшие волосы на голове собираются в косичку и укладываются под чалму, или, как они сами говорят, тюрбан. Волосы бороды наматываются на специальную нить и прячутся под сеточку, охватывающую подбородок и заведенную за уши. Туда же заправляются и длинные усы. Если вы увидите взрослого мужчину с развевающимися волосами, который ездит по улице взад и вперед на велосипеде, – не удивляйтесь. Это сикх помыл голову и сушит длинные волосы естественным феном. Сохранять волосы – это закон. Сикх всегда в тюрбане – это второй закон. У мужчины-сикха всегда с собой оружие; пусть это даже крохотный кинжал, спрятанный в складках тюрбана, но он при оружии – это третий закон. На правой руке сикха стальной браслет. Это не украшение. Украшения не приличествуют мужчине-воину. Это – напоминание, что он – сикх. Увидев браслет, сикх должен спросить себя: достоин ли сикха то, что я делаю сейчас? Это четвертый закон. И последний, пятый: сикх всегда носит нижнее белье. По его религии, это отличает человека от животного. Вот основные законы, по которым сикх живет.

Но есть еще один закон, самый главный – по которому сикх умирает. Мужчинам-сикхам, как и древним викингам, позорно умереть в своей постели, без кровопролития. Поэтому костяк индийской армии и флота – сержанты и мичманы – в основном сикхи. Много их и в полиции. Если вы сядете в такси к шоферу-сикху, то вы наверняка успеете к поезду или самолету, но несколько ярких ощущений вам гарантированы. И это вовсе не шутка. Несколько перефразируя слова знаменитого кинорежиссера Витторио де Сика, можно сказать, что сикхи ездят по вчерашним дорогам на позавчерашних автомобилях с послезавтрашной скоростью.

Если долго нет войны и неоткуда ждать достойной мужской смерти, штаб тайной сикхской боевой организации – Хальсы – распространяет Сообщение. Там только дата и место. Сикхи понимают. Сикхские юноши и старики-сикхи прощаются со своими семьями и отправляются в указанное место. Там, в уединенных долинах, разбросанных по всему Декану – центру Индии, – старики три дня учат молодежь секретам обращения с холодным оружием. А утром четвертого дня они сходятся в настоящем рукопашном бою. Бой должен быть жестоким и честным. Но старики хотят умереть, и... разве поднимется рука на своего внука? Старик оставит мечом отметину на незащищенном участке тела молодого воина, чтобы показать ему его ошибку. И тот будет с гордостью показывать шрам своим друзьям – он уже был в настоящем бою! Он – воин, сикх!

Их честность и прямота вошли в поговорки, и иногда их путают с простодушием. Недаром очень много индийских анекдотов начинаются словами «Один сикхский джентльмен...». При этом индус непременно сделает характерный жест – проведет рукой под подбородком, обозначая бороду, и перехватит пальцами левой руки правое запястье, обозначая браслет. Сикхи не остаются в долгу и рассказывают анекдоты про индусов, у которых дома женщина – настоящая глава семейства. Женщины... Для них главное – запретить мужчине делать то, что не делают они сами! Жена Сварама Сингха устала выслушивать от своих подруг удивленные упреки – как это Сварама позволяет своему сыну Сардар Сингху ходить бритому, без тюрбана, бороды и усов, и почему она позволяет мужу жевать бетель. Разве объяснишь им, что это результат многих лет, проведенных семьей Сварама вне Индии. До раздела Индостана на Индию, Пакистан и Бенгалию Сварама Сингх служил в английских войсках в Восточной Бенгалии, где пристрастился к бетелю, а после завоевания независимости был помощником начальника охраны в индийском посольстве в Китае. В Китае даже он со своей бородой выглядел экзотично – у китайцев растительности на лице практически нет, а уж молодой Сардар Сингх и вовсе отказался наотрез отращивать бороду – за молодым человеком с бородой в Китае ходила бы толпа зевак! Сварама повезло – после выхода в отставку он смог устроиться таможенником в аэропорту Палам.

Рука Сварама непроизвольно скользнула в карман, нащупала треугольник свернутого листика бетеля, скрепленный тоненьким черешком. Там еще три-четыре перчинки и крохотный кусочек негашеной извести. Сикхи редко балуются бетелем. Рот наполнился слюной в предвкушении приятного ожога, но нет, правила не разрешают жевать бетель на рабочем месте. И не отлучишься – русский рейс пришел переполненным. Хотя по таможенной части работы почти нет – дипломаты и журналисты, да и проверка формальная. Но придется ждать конца смены. Ничто не меняется так медленно, как уклад жизни, даже в зонах высокой технологии – меняется техника, электронные дисплеи бесшумно мигают номерами рейсов и временем прибытия вместо трескучих механических табло, уже другие самолеты рулят по аэродрому, но костюмы мужчин, выражение их лиц, манеры – остаются прежними. Сверни из зала в узкий служебный коридор – обнаружишь угол, заплеванной бурой слюной от пережеванного бетеля и сидящего около урны на корточках свипера – уборщика из касты неприкасаемых. Свипер по-английски – подметальщик. Если бы сикх мог знать наперед...

Peine forte et dure (фр.).

(Жестокая и длительная боль.)

Формула приговора к пытке

Свипер. Дели. Палам

Никто не обратится к нему по имени, его одежда и поза показывают – он свипер. Это как прислуга в отеле – уже седой, а все «бой» да «гарсон»! Ему нельзя выходить в пассажирский зал: там убирают люди из варны шудра – хоть и уборщики, но неизмеримо выше по кастовой лестнице. Они могут даже пользоваться пылесосами. Стараясь не привлекать ничего внимания, всегда на корточках, переступая, переваливаясь, как утка, ногами в сандалиях, сделанных из старой автомобильной покрышки, он убирает служебные помещения, коридоры, подметает пространства под лентами транспортеров, по которым бесконечным потоком струятся толстые разноцветные чемоданы. Чемоданы с бирками, которые ничего не говорят ему, – свипер почти не верит в существование всех этих стран и городов. Сам он в конце бесконечного дня съест лепешку хлеба, испеченного на плоском листе жести. Жесть лежит на двух кирпичках. Между кирпичками экономно тлеет огонь. Разводить огонь на территории аэропорта нельзя, но все знают – если лишить свипера и этого, он умрет от голода. С лепешкой он выпьет стакан черного, крепкого чая, сваренного в консервной банке,

с наслаждением выкурит сигарету – в киоске напротив автобусной остановки их продают поштучно.

Ничто не меняется вокруг, только жизнь с каждым годом все труднее и печальнее. Раньше его жена разводила огонь из стеблей выжато́го сахарного тростника, а теперь он сам разводит огонь из упаковочной стружки. Жена умерла при родах. Упаковочная стружка быстро прогорает, не нагревая жестяной лист так, как нагревали стебли сахарного тростника. И в Туглахабад уже не хочется ехать. Раньше он мог купить на свой дневной заработок – четыре рупии – муки на три лепешки (одну себе, одну жене и одну дочери), три стакана чая и три сигареты – выкурить одну в полдень, одну после работы и одну в Туглахабаде, перед сном, сидя на пороге своей хижины и глядя, как солнце, кровавое от лессовой пыли, садится за красные стены форта. В Туглахабаде – развалины древней крепости Великих Моголов. Ее стены сложены из перекаленного, но очень прочного плоского кирпича. Неприкасаемым нельзя иметь просторное жилище – не позволяют обычаи касты, и они складывают из старинного кирпича низкие, в полтора метра высотой, лачуги. Если завтра выходной, он поедет, примостившись на заднем бампере допотопного автобуса, через весь город в Туглахабад. Или сходит в гости к брату, благо он живет недалеко от аэропорта.

Когда#то власти решили проложить огромные дренажные трубы – осушить территорию аэропорта Палам, во время муссонных дождей превращающуюся в болото. Но... строительство так и не завершили – кончились деньги. И теперь лежат вдоль дороги в аэропорт громадные, больше человеческого роста высотой бетонные трубы, а в них, завесив мешковиной вход, живут неприкасаемые, которые раньше работали на стройке. Их нанимали на работу каждый день, и каждый день, рассчитавшись с поденщиками, считали их уволенными. Нет хлопот с пенсионным фондом, да и воровать у бедняков легче. Профсоюзы не защищают неприкасаемых, так как те боятся забастовок и всяких требований больше голода и болезней. Им надо жить по законам своей касты. Тщетно активисты из разных профсоюзов пытаются привлечь на свою сторону тысячи неприкасаемых. Выполняя самую грязную, самую тяжелую работу за самую низкую плату, они не хотят никакого изменения в своей жизни, если это изменение исходит от людей, а не от богов. Они твердо знают – любое послабление сейчас обернется страшной болью, ужасным и долгим мучением в будущей жизни. Если ты неприкасаемый, ты должен прожить жизнь так, как положено неприкасаемому. И не роптать. Тогда, быть может, в следующей жизни ты поднимешься на ступеньку выше. Если же нет – то наказание будет ужасным. Ты можешь стать вонючим скользким червем, питающимся нечистотами. Будешь роптать – боги найдут еще более ужасное перевоплощение.

Мы часто мечтаем о бессмертии... Европейцу никогда не понять, почему так ненавидят бессмертие и постоянную реинкарнацию все индусы. Потому, что они страстно стремятся прекратить это кружение по карме, прервать цепь перевоплощений, умереть совсем, раз и навсегда, успокоиться в нирване – единении с Буддой. Этого жаждут даже мудрейшие брахманы. Ведь и они не застрахованы от роковой ошибки, которая в следующей жизни может превратить их в неприкасаемых или в грязное животное. Нет, надо безропотно принимать ту жизнь, которая тебе дарована богами, и не пытаться ее изменить. Поэтому неприкасаемые из Дели едут в Туглахабад, где рядом с древней крепостью растет городок приземистых лачуг. Понемногу старинный форт превращается в трущобы...

Войти, согнувшись, в узкую дверь. Сложив перед грудью ладони, сделать «намасте» – приветствие людям и богам. Лечь, кряхтя, на циновку в углу. Вот и все. Стоит ли ради этого ехать сюда через многомиллионный Дели? Но это – дом. Здесь живут тени его жены и троих детей. Только старшая пережила тот возраст, когда дети начинают ходить и говорить. Ей было всего десять лет, когда толпа пылающих праведным гневом индусов забила ее насмерть – только за то, что она, мучимая жаждой, не перелила из колодезного ведра воду

в свое ведро, а напилась из общего. Другому бы это простили – но ведь она неприкасаемая, она осквернила общинный колодец! Что же до младших, то свипер помнит только их плач – тоненькую жалобу на голод, на отсутствие молока в груди у матери, на безжалостных слепней, кусающих в слезящиеся уголки глаз. Он долго не мог найти работу, и они жили на те гроши, что приносила жена. Она ходила к минарету Кутуб Минар попрошайничать. Гиды, которые водят иностранных туристов вокруг Кутуб Минара, говорят, что это – одно из чудес света, самый высокий кирпичный минарет в мире, сооруженный императором – моголом Кутубдином в XI веке. А рядом, во дворе старинной мечети Джума Масджид, другое чудо – семиметровый железный Столб, с шестью строками на санскрите, который не ржавеет, хотя простоял шестнадцать веков, с тех пор как его поставил здесь король Гупта в IV веке. Не ржавеет в климате Индии, потому что выкован из чистого железа. Железа лабораторной чистоты, которое в принципе не могло существовать на нашей планете тысячу шестьсот лет тому назад и которое по своей цене не уступает золоту – а ведь весит он шесть с половиной тонн!

По преданию, если стать спиной к Столбу и сомкнуть вокруг него руки, охватив Столб у себя за спиной, то будешь богат и счастлив. Столб радуется бедняков, вселяя в них надежду, – бедняки худые, и руки у них от работы жилистые и длинные, они всегда обнимают Столб. А богатые толстяки, хотя и очень стараются, редко могут сомкнуть руки вокруг Столба. Но они не огорчаются – им и так неплохо жить на свете. Только русских не поймешь – они одеты как господа, говорят как господа, а стараются обнять Столб изо всех сил! У русских в группе всегда найдется человек, который станет сзади Столба и будет помогать своим товарищам сомкнуть руки вокруг него. Зачем ему это, ведь от этого он сам не станет богаче? Они, как и индийцы, предпочитают ездить или на автобусе, или на двухместном моторикше – он вдвое дешевле такси.

Когда свипер был мальчиком, в Дели были настоящие беговые рикши. Отец рассказывал, что русским не разрешают ездить на таких рикшах. Один русский, чтобы доставить укушенного змеей товарища в госпиталь, посадил его в коляску, а сам впрягся в оглобли. А рикша бежал рядом. Глупо, но так русский не нарушал своих законов. Нельзя ездить на рикше, но можно его везти. Странно. У них тоже, наверное, есть касты – этим можно, а этим нельзя. Они обязательно подадут милостыню. Дают немного – русские никогда не давали раньше бумажные деньги, только мелочь. Иногда – много мелочи, но бумажные деньги – никогда. Может быть, у них такой обычай? (Они и подумать не могли, что новые русские будут сорить деньгами, и вовсе не мелкими, по всему миру.) Зато их женщины – единственные, кто может не только заплакать, глядя на то, как жена свипера держит крохотного от недоедания ребенка на одной своей ладони, но и нежно прикоснуться к нему рукой. А русские мужчины всегда спрашивают: «Как тебя зовут?» Значит, ненастоящие они господа... Не знают, что раз я антьяджа – неприкасаемый и раз я не кули – чернорабочий, значит, я свипер, подметальщик, и имя тут ни при чем.

*В ваш Сити не заложенная,
из Дувра пароходами
дотла не разворованная,
индийскими свободами
в насмешку не дарованная.*

Константин Симонов

Переводчик. Индия. Амритсар

Страсть к общению с убогими и юродивыми, по#видимому, у русских в крови. Зря экскурсовод распинался перед ними о красотах Золотого Храма и других исторических памятников Амритсара. Они воспринимали все это только как дополнительную нагрузку к основному аттракциону, ради которого, честно говоря, и проделали эту утомительную дорогу. Они

знали от друзей, уже побывавших в «священном городе сикхов», о главном экспонате этого музея под открытым небом. У моста через рукав священного Инда лежали на подстилках из связок хвороста обрубки человеческих тел. Прокаженные, которым удалось прожить так долго, что от их конечностей почти ничего не осталось. У каждого такого лежа стояла алюминиевая миска, куда сердобольные туристы кидали милостыню. Экскурсовод рассказывал, что на собранное добрые люди и ходячие прокаженные покупают продукты для этих несчастных, готовят для них еду, покупают лекарства. В Индии прокаженные не изолируются. Их много на центральных и торговых улицах Бомбея и Калькутты. Но те передвигаются сами и сами просят милостыню, вызывая ужас и сострадание. Мы сначала, пока не привыкли, носили рубашки с длинными рукавами, несмотря на жару, – эти несчастные, чтобы привлечь к себе внимание, пытаются тронуть тебя за локоть... А здесь самые «подвижные» ползали по дороге, толкая перед собой алюминиевую миску с мелочью. Остальные смотрели на них со своих хворостяных лежанок, как старики снисходительно и с легкой завистью смотрят на резвящихся детей. Словоохотливый гид рассказал нашим специалистам и их женам, что прокаженные лежат на кучах хвороста, так как покормить несчастного – это куда ни шло, но носить его в туалет никто не будет. Несмотря на то что они в душе готовились к этому зрелищу, туристам стало не по себе. Они быстро роздали несчастным милостыню, и мы прошли к мосту.

Если постучать по перилам моста или потопать по настилу, вода под мостом закипит от собравшейся на кормежку рыбы. Индусы щедро сыпят в воду шарики жареного теста, очень похожие на те, что делают для бульона у меня на родине. Разница, однако, в том, что здесь в каждом шарике – папиросная бумажка с приветствием богу – надписью: «Харе, Рама!» Индусы за много лет приучили рыбу к этому ритуалу, и ее здесь развелось видимо-невидимо. Индусы, правда, обижаются на сикхов – говорят, что те по ночам стучат по дну своих лодок и поднимают сети, полные откормленной священными шариками рыбы...

Полюбовавшись толпами верующих, считающих, что омовение в водах Биаса принесет им здоровье и счастье, мы уже собрались пойти пообедать в кафе – к сикхам, кстати, полакомиться жареной рыбой. И вдруг, к своему ужасу, я увидел двоих русских, со счастливыми улыбками рассыпавших мелочь по мискам прокаженных. Я точно знал, что вся мелочь была израсходована двадцать минут назад. Откуда эти резервы? Радостно улыбаясь, двое ракетчиков показали мне на небольшой киоск. «У этих капиталистов все продумано! Там сидит специальный меняла, и он бумажные рупии разменивает на мелочь. Сколько хочешь!» На Кавказе говорят: «Пусть не только твой друг, но и твой враг будет умным – тогда победа будет сладкой, а поражение – не таким горьким». Я сдержался. Я знал, что мой следующий вопрос повергнет их в ужас – ведь они видят перед собой результат этой ужасной болезни. Но не спросить нельзя. Надо, чтобы они запомнили этот урок раз и навсегда. Как запомнил его я после случая, произошедшего в пакистанской деревушке Наушехро Фироз. Перед возвращением в Карачи надо было расстаться с бородой, выросшей за время экспедиции, и я зашел к местному парикмахеру. Он почти закончил бритье, когда колокольчик на двери звякнул и в проеме показалась фигура безногого инвалида. Он в руке, на которой остались только небольшие бугорки от пальцев, держал пачку «Мальборо». Протянув сигареты парикмахеру, он сделал благодарственный жест, прижав правую руку к груди, безмолвно развернулся и исчез. На мой вопросительный взгляд брадобрей ответил:

– Это наш местный нищий, мы все его опекаем. Сегодня пятница, священный день мусульман, и я сделал для него доброе дело – побрил ему голову, чтобы он мог носить традиционную чалму. Кто-то угостил его сигаретами, а он, чтобы сделать в свою очередь доброе дело, подарил их мне – он знает, что я люблю эти сигареты.

– Довольно дорогие в Пакистане, – сказал я, просто чтобы поддержать разговор и сделать ему приятное.

– Да, пожалуй, – согласился он, – но этому человеку их не жалко – он не курит, бедняга. И так еле жив. Проказа!

Я не помню, как вышел из парикмахерской и дошел до нашего «газика». Но помню, что брил он меня бритвой «Золинген» – я ее запомнил, потому что удивился, увидев чудо немецкой сталелитейной промышленности в этой глуши. «Золинген» по#немецки – близнецы. Эти бритвы называются так, потому что продаются парами в обтянутой бархатом коробочке. Пришел я в себя от густого запаха «Тройного одеколона», который мы возили с собой для гигиенических нужд. Лицо горело – я его несколько раз буквально вымыл одеколоном. Но и после этого на душе было беспокойно. Интересно, какой из двух бритв он побрил прокаженного? У этой болезни инкубационный период достигает восьми лет. Есть время на раздумье...

Так что выхода у меня не было:

– Как вы думаете, откуда он берет столько мелочи? Это ходячие прокаженные вечером собирают мелочь у лежачих и сдают меняле. Он принимает мелочь по 110 пайсов за бумажную рупию. А почему он мелочь продал вам?

– По три бумажные рупии за две мелочью, – прокричали они, набирая скорость по тропе, ведущей под мост, к реке, которая у священного Амритсара, как им недавно сказал гид, дезинфицирует не хуже медицинского спирта.

Я тогда был твердо уверен – если бы у них был спирт, они бы впервые употребили его для наружной процедуры. Русские – удивительный народ! Они считают, что чума, холера, проказа – это экзотика, и не может относиться никоим образом к гражданам нашей страны. Как сказал мне один дипломат: наши соотечественники во времена СССР в основной массе были очень счастливые люди – ведь они не знали, как убого они жили... Но зато они были действительно счастливы, когда могли себе позволить за границей что#то ранее недоступное. Шато Капитонович Китовани – геолог (настоящий!) со стажем. До Пакистана он работал во Вьетнаме. Все везли оттуда пароходом замечательную бамбуковую мебель. И Шато привез положенную ему тонну бамбука. Только не мебель, а коллекцию бамбуковых стволов – от тоненького, в мизинец, до редкостного, в обхват, ствола очень старого бамбука. И подарил какому#то тбилисскому музею. А в Китае он беспрерывно приставал ко всем, чтобы ему объяснили, что сколько стоит. Он не смог понять юани и фыни, и ему, как ребенку, надо было объяснять по картинкам на банкнотах. А так как все картинки там были посвящены разным этапам построения социализма в Китае, то объяснять приходилось так: фонарик стоит один трактор (механизация сельского хозяйства), а рубашка – одну плотину (электрификация). Кожаный портфель – два самолета и один трактор. Редкий грузин! Он точно был счастлив и считал себя богачом. Как и многие другие мои соотечественники. Может, они и не знали, что бедны. Но подсознательно они все же любили посмотреть на чужие страдания и подать милостыню. Приятно ведь сознавать, что есть люди, которые живут много хуже их...

Tria juncta in uno (лат.).

Три в одном.

Девиз Ордена Бани

Обозреватель. Нью-Дели. Аурангзеб роуд

Странно, что из посольства не прислали машину. Обозреватель представил себе бело-снежное здание в глубине двора с клумбой и обязательным флагштоком, с четырьмя одинаковыми фасадами, смотрящими на четыре стороны света и выполненными из кружевной вязи затейливого бетонного орнамента. Утром в шесть часов коменданты посольства – так здесь называют охранников – вынесут государственный флаг, прикрепят его к тросу и поднимут ввысь. Один будет поднимать флаг, другой отдавать ему честь. Если полотнище флага коснется чужой земли, он считается оскверненным и его следует уничтожить по акту. Под-

нимается флаг ввысь быстро – в старинном положении о флаге сказано – «резво», а опускается вечером медленно – «величаво». Флаг – как ребенок, он не любит оставаться один в темноте, и поэтому перед наступлением темноты его спустят с теми же почестями и предосторожностями, свернут особым способом, так, чтобы звезда, серп и молот были сверху, и внесут в здание посольства. Здание на вид легкое, как будто парит в воздухе, – не то что монолитное посольство США. Американцы стали делать такие посольства после нападений на их представительства во Вьетнаме и Иране. Бетонный куб, а не здание. Оно расположено в Нью-Дели по той же улице Шантипат, всего в сотне метров от нашего, сразу за бирманским посольством.

Обозреватель усмехнулся: парить#то оно парит, но ничуть не меньше приспособлено к осаде, чем американское. Расположено в глубине двора – от высокого кованого забора не докинешь гранату до массивной двери. Четырехугольное, но полое внутри, с внутренним двором – патио, в котором посреди безукоризненной английской лужайки на высоком фундаменте стоит красивый одноэтажный особняк – резиденция советского посла. Фундамент высок, потому что там, в цокольном этаже, расположено хранилище питьевой воды и продуктов, энергоблок и святая святых – шифровальщик со своими шифровальными машинками. Единственный человек в посольстве, который с момента своего приезда в Индию и до момента обратной посадки в самолет через два года не выйдет на улицу, не побродит по магазинчикам Коннот Серкус, не съездит на экскурсию в Агру посмотреть на знаменитый Тадж-Махал. Он не должен встречаться ни с кем, кто не связан с ним работой. Он не неприкасаемый и не сикх, но жизнь его регламентирована гораздо более жестко. У него в жизни только один закон – не допустить даже теоретической возможности разглашения тайны шифрованной переписки, – и этот закон определяет его затворничество. Воздушный на вид орнамент всех четырех фасадов посольства крепок, как сталь, в полуметре за ним – толстое непробиваемое стекло. Кумулятивный снаряд гранатомета растеряет свою силу в простенке, ну а до пушек, бог даст, не дойдет. А если и дойдет, то к этому времени ни посла, ни шифровальщика в посольстве уже не будет, документы и шифровальные таблицы будут сожжены в специальной печи, уничтожены связные радиостанции и подслушивающие станции радиоперехвата, расположенные на крыше посольства. Технические сотрудники посольства и коменданты – сотрудники КГБ – займут глухую оборону по всему периметру. Посольство – это крепость во фраке.

Так же устроено и здание советского посольства на острове Замалек, посреди Нила, в Каире, и десятки других советских посольств по всему свету. Лишь в старых европейских столицах, где советские представительства заняли дворцовые особняки российских императорских посольств, пришлось сооружать в подвалах бетонные бункеры. В них расположены шифровальщик и единственная комната, где можно говорить абсолютно обо всем, называя все своими именами. Американцы не могли понять, откуда у них в посольстве в Москве идет утечка информации. Зал совещаний посольства был сделан без окон, стены оклеены войлоком, потом пенопластом и лишь затем декоративными панелями. Дубовая трибуна с гербом – точная копия трибуны в зале заседаний конгресса – была заказана в специальной правительственной мастерской в США. Да вот не уследили – чеканщик в мастерскую недавно устроился новый. И в глаз белоголового грифа он вмонтировал чувствительный микрофон. Этот прокол так раздосадовал руководство Госдепартамента, что когда в посольство США приехал посланник президента, господин Аверелл Гарриман, то он решил пошутить – подняв бокал с любимым мартини в кабинете посла, сказал, глядя в потолок: «Ваше здоровье, господин Хрущев!» Смотреть надо было не на потолок, а на каминную полку. Там стоял третий бокал мартини. Официант посольства занес три, и, увидев, что беседующих уже только двое, извинился и сказал: «А я думал, господин посол, что господин советник все еще с вами!» И поставил бокал на каминную полку. Гарриман сам отослал советника под благо-

видным предложением. Дело было уж очень конфиденциальное – поручение президента. Закончив беседу с послом, Гарриман решил допить и третий бокал мартини – не пропадать же любимому напитку. Чуть не сломал зуб, когда решил закусить маслиной на палочке-зубочистке. Микрофон! Вот тебе и официант. А ведь были в нем уверены на все сто. Не потому, что у официанта были рекомендательные письма от управделами британского посольства, в котором он раньше работал камердинером его превосходительства. КГБ сделает любые письма. Нет! Доверие вызвал как раз прямо противоположный факт! Управделами английской миссии по секрету сообщил американскому коллеге, что в письмах – ложь с начала до конца! И про честность, и про добропорядочность... Камердинера посла уволили за банальную кражу. И вот тогда американцы посчитали, что им очень повезло! Расчет был прост – сотрудник КГБ, устроившись работать с великим трудом в посольство Великобритании, уж наверняка не стал бы красть зажигалку, пусть и золотую! Вот и взяли новенького накануне визита Гарримана. Считали, что парень, конечно, мерзавец, за ним нужен глаз да глаз, но он не кагэбэшник, уж это точно! Откуда управделами мог знать, что визиту Гарримана и тому сообщению, которое он должен был передать и которое нельзя было доверить даже шифровальщику, на Лубянке придавали особое значение и тоже готовились встретить посланца президента Кеннеди *in omnia paratus* – в полной готовности...

Вот потому и есть в каждом советском посольстве комната, куда входят могут только посол, советник-посланник, резидент разведки и представитель КГБ. Свой и чужой печальный опыт учтен – в эту комнату не подадут напитков и не внесут ничего, кроме шифровки на листе папиросной бумаги. И она не покинет этой комнаты уже никогда – ее сожгут. В комнате нет ни окон, ни телефонов, и ни одного провода. В ней и мебели почти нет. Но... Нет правил без исключений. Такое исключение – старое посольство в Карачи, в Пакистане. Напоминающее замок разорившегося английского аристократа, с темными дубовыми балками потолков и скрипучими деревянными лестницами, оно совершенно не приспособлено для сохранения государственных тайн. Кроме внешних кирпичных стен, и перекрытия, и стены между комнатами – деревянные. Подвала нет. Копни ниже одного метра – выступает соленая жижа. Море слишком близко. Поэтому шифровальщик МИДа живет и работает в бетонном кубе на вилле представительства Министерства геологии.

Представитель министерства – человек КГБ. Там же под видом бухгалтера представительства живет и резидент ГРУ. Послу приходится ездить туда, чтобы прочесть шифровку или передать донесение в МИД. Неудобно... но уже ничего не поделаешь. Пакистанские власти не очень любили русских – мол, христиане в прошлом, безбожники в настоящем! Переулочек, где расположились русские, назвали якобы в честь романа Чарльза Диккенса, Bleak House Road – улица Холодного дома. Но дом#то в переулочке только один – советское посольство. Единственное «охранное устройство» в посольстве – на стволе большого каштана установлено углом зеркало так, что дежурному по посольству из#за его конторки видно, кто зашел в калитку ворот. Смех, да и только. Посол Алексей Ефремович Нестеренко не хочет ничего менять, говорит, что «паки» скоро перенесут столицу на север, в Равалпинди или Исламабад. Вот там и построим новое посольство, по специальному проекту. Ну и пусть. Об этом голова должна болеть у заместителя министра иностранных дел. Учились вместе. А друзьями не стали. А вот с Нестеренко не подружиться невозможно. Удивительно обаятельный человек. Хочется его увидеть, хотя он и опальный посол.

Да и кто в Юго-Восточной Азии или Африке из советских послов не опальный? В Индии был Бенедиктов, бывший министр сельского хозяйства СССР, не согласившийся с лозунгом «кукуруза – царица полей». В Пакистане Алексей Ефремович Нестеренко – второй секретарь Украинского ЦК, когда#то перешедший дорогу Н. С. Хрущеву. В Египте – Сергей Александрович Виноградов, возросшего влияния которого при дворе президента де Голля убоялся сам «Mister No» – А. А. Громыко. Он не посоветился послать (или сослать?)

из Парижа в Каир посла, который безошибочно предрек приход к власти опального французского генерала Сопротивления. Виноградов не только предсказал победу де Голля, но и всячески поддерживал его в годы опалы, навещал его в родном поместье. Уж как только не склоняли посла на коллегии МИДа за его дружбу со своим равным политиком! Но коллегией не обошлось – дружба Виноградова с де Голлем стала темой неприятного разговора в заграничном отделе ЦК. Сообщив ему «совершенно секретную» информацию о том периоде жизни де Голля, когда он сносился со ставкой Сталина через приставленного к нему сотрудника разведывательного управления Григория Агаянца, которого он знал под именем Ивана Авалова, его пытались убедить, что де Голль – это французский Сталин. Тогда генерал оказал Иосифу Виссарионовичу неоценимую услугу, сообщив ему, что в немецком концентрационном лагере находится сын Сталина от первого брака, Яков. Именно эта заблаговременно доведенная до Сталина информация позволила ему свыкнуться с этой мыслью и внутренне подготовиться к возможному разглашению этой информации. И когда немцы предложили Сталину обменять его сына на Паулюса, прозвучала знаменитая фраза: «Я солдат на маршалах не меняю!»...

Виноградову прямо заявили, что не потерпят более ни одной поездки посла в родовое имение нормандца. Они и представить себе не могли, что этот человек скоро станет президентом Франции... Зато де Голль, как только стали известны результаты голосования, объявил, что, в нарушение всех правил дипломатического протокола, не будет ждать поздравлений иностранных послов. Он немедленно поедет и объявит о своей победе своему русскому другу, господину Сергею Виноградову. «У русских есть пословица: «Друзья познаются в беде!» Он не знал, что этим он сам выручает посла. Уведомление о дезавуировании Виноградова уже было в портфелях дипкурьеров МИДа – так торопились его враги. Но результаты голосования, ставшие известными уже к утру следующего дня, заставили их срочно отозвать ноту. «Знатоки» из МИДа и ЦК проглотили горькую пилюлю, и любви к Виноградову у них от этого не прибавилось. Но посол теперь плевать на них хотел. Он знал, что при всей их зависти и горячем желании убрать его из Парижа теперь, сразу после победы генерала де Голля, невозможно. Он немолод, осталось лишь несколько лет работы. Он счастливо и плодотворно проработает в Париже еще несколько лет, а там пора и честь знать. Будет раз в неделю ездить на Метростроевскую читать лекции по европейской политике в МГИМО, наслаждаться прелестями подмосковной дачной жизни, писать книгу... Если бы он мог знать наперед, что, когда заговорят о его растущем авторитете у молодых членов ЦК, Громыко решит не рисковать. Ему, ставшему Чрезвычайным и Полномочным Послом в тридцать три года и заместителем министра иностранных дел в сорок, не нужны соперники...

Виноградов отправился в Каир из Парижа напрямую, без обычного в таких случаях промежуточного назначения заведующим одним из департаментов МИДа на Смоленской площади. Но ненадолго. Советские танки вошли в Прагу, и Гамаль Абдель Насер запаниковал так, что собирался немедленно выслать всех русских военных советников из Египта. Они, мол, и здесь власть захватят. В Каир срочно прибыл заместитель председателя Совета министров СССР Кирилл Трофимович Мазуров, чтобы объяснить Насеру причины этого вторжения. Он привез с собой увесистый том документов, доказывавших, что введение войск в Чехословакию для СССР – вынужденная мера. Текст настолько изобиловал военными терминами, что дипломаты взмолились, и к переводу привлекли военных переводчиков. Так как на все про все было только пять часов, то текст разделили на десять частей и успели перевести и отредактировать его как раз к ужину, который Насер и Мазуров должны были посвятить неофициальной беседе. И вдруг посол Виноградов сказался больным и к президенту Египта с Мазуровым не поехал. Ничего себе! Мазуров пожалуется Громыко. Значит, скоро замена... (Замена произошла не потому, что пожаловался Мазуров – сердце Сергея Виноградова не выдержало обид и безжалостного африканского солнца...)

И в Индии Бенедиктова, которого подвела своим побегом в американское посольство дочь Сталина Светлана Аллилуева, сменил Николай Михайлович Пеков, сделавший головокружительную карьеру при Сталине. В 29 лет – заместитель директора какой-то шелкоткацкой фабрики в Москве. А в 32 года – первый секретарь Приморского краевого комитета партии! В 34 – член ЦК, в 48 – секретарь ЦК. Но тут умер Сталин, и это остановило стремительный рост Николая Михайловича. Он не пришелся ко двору Хрущева, и его вскоре отправили в дальнее турне по посольствам – Иран, Алжир, Индия... А у настоящих, кадровых дипломатов руки опускались – разве можно надеяться достичь каких-то высот в своей профессии, если ведущие посты в ней раздаются влиятельным, но неудобным высшим чинам, которых надо просто убрать из Москвы... И в Танзании, и в Мозамбике, и в Анголе, и в Сирии послы – вообще не дипломаты, а бывшие первые секретари обкомов партии. Некоторые и в Африке ведут себя, как в своих советских вотчинах. Какая политика, такие и послы... Каков погонщик, такие и ослы... Хотя... В Карачи Обзоратель видел, как ослы перевозили песок из карьера на строительную площадку. Песок им насыпал в переметные сумы худой и почти черный от солнца паренек. Ослы знали, что, если надуть хорошенько живот, то подпруга, на которой висят мешки, натянется, и в мешки поместится меньше песка. Легче тащить через пять кварталов на стройку. Они старательно надували бока, становясь «под погрузку». Но паренек тоже знал это – и про подпругу, и про мешки. Даже не глядя – надулся ли осел, – он звонко шлепал по тугому ослиному брюху лопатой, осел от боли шумно выдыхал, и в мешок помещалось нужное количество песка. Следующий раз ослы все равно пытались повторить свой трюк. Упрямые... Но вовсе не тупые.

Обзоратель оглянулся, как будто кто-то мог подслушать его мысли. «Да что это со мной, старость, что ли, наступает? Как назло, и Вил Федорович Бондарев, советник-посланник, не встречает». Боится, что в его связях с Обзорателем слишком явно будут видны уши ГРУ... Бог с ним! Может, оно и к лучшему. Мы еще поторгуемся с вами, господин посланник. Что нужно вам, я знаю, как Отче наш, и сделать это мне не составляет труда. А вот то, что нужно мне... Я заставлю вас это сделать. Я, политический обзоратель ТАСС, человек, казалось бы, далекий от коридоров власти. А истоки моего влияния даже для вас останутся неизвестными... За тройной броней... Пусть Бондарев, бывший «борзой» (то есть офицер разведки, обеспечивающий выполнение задания для «викингов» – специалистов высшей квалификации, непосредственных добытчиков информации), подозревает, что я вхожу в «Аквариум» – безликий куб здания ГРУ у станции метро «Полежаевская» на Ходынке, где заседают люди, отдающие приказы и «борзым», и «викингам». Пусть советник посла Пекова, Федор Медвяник, представитель КГБ в Индии, знает, что, несмотря на строжайшее указание ЦК – не вербовать профессиональных сотрудников партийного аппарата, я, член ЦК, добровольно остался в списках секретных сотрудников КГБ и подписываю свои сообщения «В. Жуков» – не из-за маршала Жукова, а из-за соплевого деревенского парнишки Ваньки Жукова из чеховского рассказа. Пусть молодые аппаратчики ЦК знают, каков мой вес и влияние в заграничном отделе, и боятся моих связей с «динозаврами» – старыми членами ЦК, которым уже никогда не избавиться от догматизма и чья жгучая зависть к молодым застилает глаза кровавой пеленой и желанием разрушить все, лишь бы не отдавать власть в их молодые и жадные руки... Каждая из этих сил считает меня своим и подозревает, что я имею связи с еще одной какой-то стороной. Но никто не знает правды, даже не допускает мысли, что я – ставленник всех трех! Партийцы твердо уверены, что нельзя быть одновременно членом ЦК и сотрудником КГБ. Военные разведчики уверены – нельзя быть одновременно сотрудником и ГРУ, и КГБ. Эти соперники непримиримы, и за границей можно найти агента ГРУ, перевербованного ЦРУ, но только не КГБ. Ну а КГБ считает меня своим сотрудником в высших партийных кругах, и, чтобы не засветить ценного агента,

готово пожертвовать многими другими. И особенно теми, кто подозревается в связях с ГРУ. Aes triplex... За тройной броней.

Обозреватель вышел на площадь перед зданием аэропорта, посмотрел, как носильщик грузит его чемоданы в черно-желтое такси. Носильщику сразу понравился этот полный, с узким разрезом глаз господин. Он уже чувствовал, что сагиб даст ему не меньше десяти рупий, поэтому преданно косил взглядом в его сторону и исподтишка стирал меловые кресты таможенного контроля полой своей длинной рубашки. Она когда-то была цвета хаки. На хинди хаки значит пыль. Англичане были очень хорошими колонизаторами. Они одевались к обеду (по-английски – вечером) в черные смокинги и мундиры Navy Blue – цвета морской волны, но днем, работая среди местного населения – natives, носили шорты и рубашки цвета хаки. Пусть пыль будет на хинди, лишь бы Navy Blue было на английском. Да и местных везде – от Малайи до Марокко – называть надо natives – туземцы. Так проще. Пусть янки и русские хлопают их по плечу,жимают руки и называют по национальности, даже если это клички. Джап или вьет, пак или тай. Лучше и честнее – natives. Это не так обидно, как «туземец» по-русски, но переводится это именно так. До сих пор лучшие улицы и районы всех старых индийских, пакистанских и бенгальских городов носят имена английских генералов и политиков – Коннот серкус, Дригх роуд, Эльфинстон стрит, Клифтон бич. Или повторяют английские названия: кинотеатры «Метро», «Стрэнд» или «Рокси», отели «Эмбэссэдор», «Гайд-парк», «Вест энд», «Клэридж», набережная «Ожерелье королевы». А если местные хотят, чтобы и их язык звучал в этих названиях – ну что же, пусть себе будут Пакка Базар или мечеть Джума Масджит...

Обозреватель гордился, что ему не нужно говорить по-английски почти во всех странах, которые он посещал. Уж с таксистами и в магазине он всегда договорится на местном диалекте. «Дарваза банг каро. Чало! «Эмбэссэдор»! (Закрывай багажник и дверь, поехали! Отель «Эмбэссэдор».)»

Home, sweet home.

Дом, родимый дом.

Английская народная песня

Переводчик. Нью-Дели. «Эмбэссэдор»

Отель «Эмбэссэдор» не нравился американцам, помешанным на чистоте и предпочитающим новомодный стиль стекла и бетона, но нравился европейцам – смесью домашнего интерьера и колониальной архитектуры. Все этажи пятиугольного здания своими коридорами-верандами выходили во внутренний дворик с садиком и фонтаном, а все номера – на эти веранды. Вы можете хоть десять раз предупредить портье о том, что вас не надо утром будить раньше 7 часов 30 минут. Все равно в 6 утра раздастся тихий стук в дверь и слуга в белоснежном с золотыми галунами костюме и в чалме с плюмажем протолкнет в номер сервировочный столик: «Чай, сагиб? Тиге? Ачча!» Чай, молоко, сахар, печенье, масло и джем. Если вы хоть раз скажете, что предпочитаете джем с горькой апельсиновой корочкой или чай с молоком – этого не забудут никогда. Может смениться весь обслуживающий персонал гостиницы, но *ваш* чай и *ваш* джем будут подавать вам всегда. К обеду по верандам разносится запах жареного риса из ресторана «Магараджа», а вечером пол тихонько подрагивает от низкочастотных динамиков дискотеки «Wheels» – у молодежи очень моден роман Артура Хэйли «Колеса». Звуча почти не слышно, но низкие частоты проникают сквозь этажи, как нож сквозь масло. Ничего не поделаешь, низкочастотные динамики – дань современной моде.

Конечно, в отелях «Хилтон», «Шератон» и «Клэридж» не пахнет ресторанной кухней и в номерах не слышно посторонних звуков, но в «Эмбэссэдор» вас принимают как родного, помнят, в каком номере вы останавливались прошлый раз, а в ресторане могут заговорщицки

спросить: «Breakfast as usual, sir?» («На завтрак подавать все, как обычно, сэръ?»). Это значит – помнят, какой сок вы пьете и как приготовить вам яйца – всмятку, в мешочке, вкрутую, глазунью с беконом или омлет. И, конечно, дрогнет сердце, и никуда, кроме «Эмбэссэдор», уже не поедешь – дом родной! Я всегда останавливался в «Эмбэссэдор» между поездками с генералом Беленко: в Бомбей – там Западный флот готовился к войне, осваивая новые ракетные катера типа «Оса»; в Нашик – там по лицензии собирали новую, штурмовую модификацию истребителя МиГ; в Визакапатнам – там были неполадки на дизельной подводной лодке, только что пришедшей из ТОФ – Тихоокеанского флота.

Генерала Беленко, родственника одного из заведующих отделом ЦК, сослуживцы между собой называли «лягушка-путешественница» за его непрестанные поездки. Я был его референтом-переводчиком, и сопровождать Игоря Николаевича было одной из моих обязанностей. Он жил на Мальча Марг, 16, с женой и сыном, хотя почти все сверстники его сына оставались в специальном пансионате МИДа в СССР, как только переходили в 9#й класс. Эта парочка интересовалась только списками товаров, которые папуля мог приобретать с дипломатической скидкой. Раньше на втором этаже виллы с ним жил я. Это у нас первый этаж не считается престижным. В Индии – наоборот. Ведь из гостиной первого этажа можно через раздвижную дверь выйти прямо на лужайку!

Как бы то ни было, я был рад, что генерал – главный советский военный советник в Индии – разрешил мне после приезда его семьи проживать в отеле «Эмбэссэдор». Это не только позволяло мне отдыхать от своего начальника после работы, но и сокращало интенсивность моего общения с его супругой и сыном, за что я был искренне благодарен судьбе. Вообще, я любил проводить свободное время или один, или уж с шифровальщиком посольства, Зией Шаваевым.

Зия – значит черный на тюркских языках. Но он был бледным от постоянного нахождения в здании посольства. В те вечера, когда не было приемов и генерал уезжал домой, на Мальча Марг, я проходил к Зие в его жилые комнаты, и мы ужинали вместе. Чтобы не сойти с ума, ему нужен был кто#то, с кем можно поговорить на разрешенные темы. Этих тем было так мало, что он нравился мне как собеседник. Он учился в Краснодаре, а я служил там старшим переводчиком, а впоследствии – начальником летного курса в Краснодарском авиационном училище, где обучали только иностранцев. Краснодар был единственным светлым пятном в его жизни, и он бесконечное количество раз мог вспоминать каждый уголок улицы Красной и Затона – побережья Кубани, над которым высилось темно-красное кирпичное здание его alma mater. Он уже поработал в трех странах, но мог вспомнить о них только аэропорт и дорогу к посольству. Да и то – что запомнишь, проехав по ней два раза! Я ему рассказывал о Карачи или Дели – он прожил в этих городах по два года и ничего о них не знал. Жена его замечательно солила грибы, но ее рассказы о магазинах и базарах почему#то только раздражали Зию. Так что, когда мне надоедало говорить о Дели, а ему о Краснодаре, мы замолкали, но почему#то чувствовали себя вполне комфортно и молча поднимали стопки с русской водкой, закусывая Олиными необыкновенно вкусными «соплистыми» грибами. Я давно перестал спрашивать Ольгу о том, что это за грибы – ведь трудно представить себе грузди на делийском базаре...

Если бы знать наперед, что однажды чинуша-советник, обидевшись на то, что Зия не согласился дать ему на ночь секретный документ, обзовет его бранным словом, а когда советника, нехотя и с запозданием, все#таки заставят извиниться перед добросовестным работником, он произнесет спокойным и хорошо поставленным голосом: «Прошу прощения, раз уж вы все настаиваете, но Зия все равно дурак!» – Зия выйдет, склонив голову, из малого зала посольства, где проходило заседание профкома, спустится к себе и повесится на крепких шелковых шнурах, которыми он опечатывал вализы – мешки с секретной дипломатической почтой. Дело, конечно, не в обидных словах, хотя и они сыграли свою роль. Дело

в том нечеловеческом напряжении, в котором находится человек, практически лишенный свободы, хотя и добровольно согласившийся на это заточение...

Ну, это будет еще не скоро, а пока... Пообщавшись, помолчав и повздыхав, мы прощались с Зией, и я тихо, постоянно напоминая себе, что здесь левостороннее движение, ехал к себе в «Эмбэссэдор». Предупредив портье, чтобы не будили завтра раньше половины восьмого, прохожу к лифту. Это – ежевечерняя шутка. И я, и портье знаем, что, несмотря на предупреждения, в половине седьмого слуга поскребет тихонько в дверь номера и протолкнет неслышно по ковру сервировочный столик с чаем. «Чай, сагиб? Тиге? Ачча!» Ну, это будет завтра. А сегодня, подрегулировав кондиционер, надо спать. Как говорили в благословенной Обломовке – день прошел, дай бог и завтра так!

But he dearly loved a lord.

Но был ужасным снобом.

Соммерсет Моэм

Обозреватель. Нью-Дели. «Эмбэссэдор»

Остановился в «Эмбэссэдоре» и Обозреватель, хотя мог позволить себе и пятизвездочный отель. Но он не любил суету в холлах центральных отелей, вездесущих коридорных, бормочущих, будто себе под нос, какие-то фразы о необыкновенно красивых девушках, скучающих неподалеку. Не любил самодовольных делегатов многочисленных конгрессов и собраний клубов «Лайонс» или «Ротари». Не любил непонятного возраста мужчин со слишком отглаженными брюками, цепкими глазами и напوماженными бриолином волосами и преувеличенно безразлично отворачивающихся красивых женщин, держащих чашки с остывшим чаем в строгом соответствии с правилами этикета двора Ее Величества во время фэйф-о-клок – английской чайной церемонии, которая каждый день разыгрывалась в «Тадж-Махале» и «Шератоне». Разница была лишь в том, что в «Тадж-Махале» на пианино играла американка Карен Бенсон, отдававшая предпочтение Глену Миллеру, а в «Шератоне» мучил скрипку пожилой австриец. Каждый коридор и лестница были под постоянным наблюдением секьюрити. Подозрительность охраны автоматически распространялась на всех, кто заходил в бар, имеющий лицензию на продажу иностранцам спиртных напитков (в Индии сухой закон!). Вход и выход был только один – через эскалаторную лестницу. То ли дело в «Эмбэссэдоре»! Вдоль пятиугольного здания на всех этажах номера выходят на соединяющиеся террасы, три парадных выхода – на Радж Патх, ведущую к президентскому дворцу, на Тримурти и на Коннот, и выезд из внутреннего дворика на дорогу, ведущую в Чандни-Чоук – старый район Дели. Уследить за посетителями очень трудно, а главное – никому это и не надо. Единственная мера предосторожности в «Эмбэссэдоре» – блестящий ячеекми сейфовый шкаф около стойки портье. Каждая ячейка открывается двумя ключами – один у арендатора ячейки, другой у старшего портье. Храните деньги в сберегательной кассе! Помните, что вы находитесь на родине «Бродяги» и «Господина 420»...

Не привлекая особого внимания к своей особе, Обозреватель вместе с ключами от номера получил и ключ от сейфовой ячейки, положил туда выдавший виды кожаный портфель – он не мог привыкнуть к новомодным кейсам – и поднялся в сопровождении носильщика и коридорного в свой номер. То, с чем он приехал в Дели, не нуждается в сейфовых ячейках. А в портфеле, как всегда, вместе с последними номерами «Атласа» лежат толстая записная книжка и несколько документов, помеченных грифом «Для служебного пользования». Эти документы и свежие записи в книжке – все на одну тему. На ту, что волновала ЦК с месяц назад. Ячейку ночью вскроют, документы скопируют, но пока они дойдут до начальника военной разведки Индии адмирала Курсетджи (по прозвищу Нос), пройдет день-два, и только затем они будут кратко аннотированы в еженедельной разведсводке премьер-министру. А пока их содержание станет известно английской Интеллидженс сервис – пройдет

дней десять. Англичане только поморщатся, читая напыщенное донесение коллег по Британскому Содружеству наций, но не посетуют на то, что товарец – «с душком». Ничего не поделаешь – нельзя губить на корню инициативу младших коллег. Когда#нибудь и они сообщат что#нибудь путное... К этому времени Обозреватель будет уже дома.

А сейчас надо отдохнуть, затем созвониться с советником-посланником, договориться о встрече. Без него не выполнить основную задачу, которая стоит перед ним в этот раз. Надо найти выход на Главкома военно-морских сил Индии адмирала Нанду и Главкома сухопутных войск генерала Манекшоу. Это – настоящие военные, ястребы, как теперь их называют в публицистическом запале коллеги-журналисты. Но... уверенности в том, что гражданский министр обороны Индии господин Мангалай Кумари сможет склонить премьер-министра и президента к решительным действиям против Пакистана уже в ближайшее время, нет никакой. Министр стоит за мирное решение кашмирской проблемы. Если не удастся его убедить, придется обращаться к активистам ультраправой Джана Сангх – они давно точат зуб на неприкасаемого, забравшегося на такую высоту... Что за министр, который за год своего нахождения в должности ни разу не обратился к руководителям государства с просьбой санкционировать закупку новых вооружений? Немудрено, что Китай, Афганистан и даже Пакистан стали чувствовать себя в отношениях с Индией слишком спокойно. Надо заставить Индию приобрести наши новые плавающие танки и ракеты морского базирования. Пекову уже ничего не надо, должность посла он воспринимает как пожизненную синекуру, дарованную ему за заслуги перед отечеством. Надежда только на Бондарева. Он не захочет приехать в «Эмбэссдор» – слишком заметная фигура. Даже машину посольскую не стоит вызывать. Придется, наверное, поехать на Мальча Марг на такси. Черно-желтые допотопные жуки называются, кстати, тоже «Эмбэссдор»! Выпускаются с пятидесятых годов. Любой индиец, заметив удивление иностранца, тут же пояснит, что «Эмбэссдор» – это и верность традициям, и подражание англичанам, и проявление скромности индийской правящей элиты – на «Эмбэссдоре» ездит Индира Ганди, а по ее примеру – и все правительство. Индийцы, столь изощренные в сложных взаимоотношениях сотен своих богов, не понимают простейших взаимоотношений индийских богачей со своим правительством.

Скромно ездит на «Эмбэссдоре» и магараджа Хайдерабада. Каждый год специальная комиссия Министерства финансов начинает подбивать стоимость его имущества – для уплаты налогов. Но так как имущественный налог в Индии учитывает не только недвижимость, но и драгоценности, то эта работа никогда не доводится до конца. У магараджи сундуки буквально набиты драгоценными камнями – ведь ему, вернее его отцу и деду, принадлежала легендарная гора Голконда. Гору всю срыли и просеяли через сита в поисках драгоценных камней, которыми она была просто напичкана, и лучшая часть этих камней постепенно осела в сундуках магараджи. А так как каждый камень уникален и требует индивидуальной оценки, а цена на разные камни колеблется не только год от года, но и месяц от месяца, и оценку каждый раз надо проводить заново. И магараджа платит только за недвижимость – огромный дворец на вершине холма. Так объясняют причину неуплаты простым людям – и они верят, что магараджа горит желанием уплатить наконец налоги, которых хватило бы на постройку нескольких больниц или школ, но не знает, сколько платить. Извелся весь! И чиновники налоговые уже замучились – сколько можно пересчитывать дымчато-медовые топазы и сиреневые александриты? Да и сытая и спокойная жизнь во дворце наскучила. Замучились просто! Министр финансов в это, кажется, тоже верит. Да и как не верить, если некоторые доводы, переданные ему чиновниками от магараджи, звучат столь убедительно! Магараджа – джентльмен, учился в Оксфорде вместе с вице-президентом Ваджпайей и принцем Чарльзом, его честность, как жена Цезаря, вне подозрений! В Индии любят упомянуть о своем «английском» прошлом, хотя и поругивают снобизм. Если ты хорошо организовал свой день рождения или сшил очень удачно костюм, то похвала

тебе будет всегда одна: «It's very British!» (Это сделано очень по#английски!) Даже фамилии у многих высших военачальников английские. Как у главкома Манекшоу, начальника полицейского управления Сандерса, министра финансов Болдуина... Коротко, точно и емко писал Сомерсет Моэм: but he dearly loved a lord! Ну уж очень любят в Индии господ англичан и все, что о них напоминает!

Fata viam invenient (лат.).

От судьбы не уйдешь.

Переводчик. Бомбей. «Стрэнд»

А вот воров в Индии не любят. Настоящих. Если они не в кино, а рядом. Я вспомнил, как в прошлую войну мы встретились с Обозревателем на ступенях кинотеатра «Стрэнд» в Бомбее. У ступеней толпа была парнишку-карманника. У «Стрэнда», на вокзале «Виктория» и торговом центре «Флора Фаунтин» на каждом углу висят объявления «Берегись карманников». Карманники в Бомбее – мастера своего дела. В таких местах, как кинотеатры и вокзалы, надо держать ухо востро. Но что#то не заладилось у паренька – может, толкнули под руку, – и хозяин кошелька схватил его. Толпа была его с наслаждением. Те, кому не доставалось возможности нанести свой удар, громко сожалели об этом и давали советы передним, как разделаться с воришкой. Здесь же орудовали и другие карманники. Пользуясь давкой и возбуждением толпы, они очищали карманы соотечественников от последних рупий и пайс, припасенных на билет в кино. Но это было почти честно – лишаясь одного зрелища, толпа наслаждалась другим.

Хотя ничто, пожалуй, не заменит кино жителю Индии. Индийцы редко оценивают свои фильмы по остроте сюжета или актерскому мастерству. В конце концов, все артисты давно известны и каждый имеет свое амплуа, а сюжет почти всегда сводится к тому, что богатый жених хочет жениться на бедной девушке, но злая родня препятствует этому, не подозревая, что бедная Золушка – племянница местного богатея, а то и наследница магараджи. Оценивая фильм, местный киноман с восторгом сообщит тебе, что посмотрел вчера великолепный фильм – «в нем восемь песен и шесть танцев!». В Индии и Пакистане принято, что иностранцы приобретают билеты в ложи балкона. Не только потому, что они дороже и публика там почище. В конце фильма, независимо от его содержания, на экран проецируется государственный флаг и звучит гимн. Весь зал поворачивается к балкону – удостовериться, что иностранцы встали, проявляя должное уважение к их государственным символам. Понемногу это переходит в привычку, и даже на улице подсознательно стараешься занимать места, которые дистанцируют тебя от толпы.

Я стоял на ступеньках «Стрэнда» и вдруг увидел Обозревателя. Он был почти рядом, с ужасом и отвращением глядел на происходящее. Об этом он не напишет в Москву. И вчера, и сегодня с утра он уже направил на телевидение и в ТАСС благостные репортажи. Там наверняка было много интересного и почти все – правда. И о веротерпимости индусов, и о бурно развивающейся промышленности, и, конечно, об индийском Голливуде – Бомбее, и о Радже Капуре, владельце «Бомбей Студиос», который прославился в России после того, как сыграл роль вора-карманника в фильмах «Бродяга» и «Господин 420». Того карманника полюбили вся Индия и вся Россия. Женщины выходили из кинотеатров с заплаканными глазами, мужчины повторяли полюбившиеся слова злодея Джагги: «Сын вора будет вором, сын судьи будет судьей». Чем тот Авара отличался от этого парнишки – убей, не пойму. Те же намаженные репейным маслом волосы, печальные глаза-маслины и неистребимая вера в возможность счастья в виде родинки или медальона, доказывающих родство с местным богачом или заезжим принцем. То же горькое сожаление о жестокости старых обычаев и осуждение кастового строя, который мешает любимым соединиться, а талантливому инженеру – занять подобающее место в компании. И та же полная и моментальная смена убежде-

ний, как только эта родинка или заветный медальон докажут его собственную принадлежность к высшей касте.

Индира Ганди, выполняя волю своего отца Джавахарлала Неру и Махатмы Ганди, смогла#таки добиться принятия закона о запрете кастовых отношений. И даже, в знак того, что первая из брахманов протягивает руку низшей касте, назначила министром обороны в своем правительстве политика из касты неприкасаемых. Неприкасаемого – над надменными офицерами, которые во всем подражали англичанам и по ночам видели сладкие сны о тщательно подметенном плаце из толченого красного кирпича, английском стеке, заученным движением заткнутом под левый локоть, и трепетно-угодническом ответе подчиненных на любой вопрос – «Йес, сэр, тиге, сагиб!» (в пехоте) или «Ай-ай, сэр, кэптэн!» (во флоте). Сколько раз я сходил по трапу вместе с капитанами ракетных катеров, пришвартованных у стенки в Бомбее! И ни один из них не произнес положенную по уставу формулу передачи корабля в командование старпому на родном хинди! Только «She is all yours!» («Она вся в вашем распоряжении!»). Потому, что так говорят на кораблях Британского Королевского флота, и потому, что боевой корабль по#английски – она. Им пришлось подчиниться министру-неприкасаемому. Но, подчинившись, они не простили этого даже Шримати – «дорогой матери» Индире Ганди. Командир противолодочного корабля «Кхукри», торпедированного пакистанской подводной лодкой, приказал команде покинуть тонущий корабль, а себе вынести кресло на мостик. «Я пойду ко дну вместе с моим кораблем. И не только потому, что таков морской обычай. Зато мне, кшатрию, не надо будет выполнять волю министра из касты неприкасаемых!» Красиво сказано, но в советских газетах такое не напечатаешь! А индийские газеты? Каждый день в них можно прочесть десятки брачных объявлений: «Родители красивого и воспитанного выпускника технического колледжа ищут достойную спутницу жизни для своего сына. Дедушка и бабушка юноши были брахманы». То есть претендентов из низших каст просят не беспокоиться. Но закон не нарушен – ведь это дедушка и бабушка были брахманы, а родители и молодой человек свято блюдают законы Хинди Бхарат – всеиндийского братства!

Законы – законами, а обычаи очень живучи. Высшая варна – брахманы – голова нации, а кшатрии – военные – ее руки, держащие щит и меч. Вайшья – купцы и ремесленники высоких профессий – это тело нации. Шудра – рабочие и крестьяне – ноги нации, а антьяджа – неприкасаемые – ее потная стопа. Ни один индус из высших каст, прикоснувшись ненароком к неприкасаемому, не продолжит своих дел. Сначала он направится в храм, где пройдет весьма сложный процесс очищения от скверны. Ни один брахман не выпьет воды – да что там! – не примет стакан воды из рук человека низшей касты. Именно поэтому официантами в дорогих ресторанах и водителями такси часто можно увидеть либо сикхов, либо пуштунов – они вне кастового строя. На худой конец они будут из варны вайшья – купцов и высших ремесленников, а «у ремесленника руки чисты». Удобная формулировка, не правда ли? Весь ремесленник грязен, а вот руки его, что пекут хлеб, шьют одежду, подают на стол, – чисты!

Кстати, о чистых руках. Конечно, в потоке информации о дружественном народе в преддверии государственного визита будет много сказано о дружеских взаимоотношениях, которые возникают между русскими военными и гражданскими специалистами и их индийскими коллегами. Но не напишешь же, как быстро эти отношения переходят сначала в панибратство, потом в пренебрежение, а затем и в открытое хамство со стороны «обучаемых». Это я видел и в Бангладеш, и в Пакистане, и в Египте, и, конечно, в Индии. Здесь органически неспособны уважать людей, чьи жены с утра ходят по базару с сумками, затем подметают просторную, выделенную для двух или трех русских семей виллу, готовят обед, а в свободное время вяжут из мохера шарфы и кофты на тенистой веранде. А когда муж возвращается домой с работы, он здоровается за руку с чокидаром – привратником своей виллы, а то и со свипером – уборщиком из неприкасаемых (!) и, отдохнув пару часов, собирается с

женой на прием в посольство или на кинопросмотр на посольской «даче». Все бы хорошо, но ведь, собираясь туда, он замечательным кремом «Киви» чистит свои туфли и бархоткой наводит на них блеск. То есть и сам он, и его жена совершили действия, низводящие их на уровень свипера, чистильщика обуви или чокидара. Для бенгальца и индуса они стали сродни неприкасаемым, для араба и пакистанца – «потеряли лицо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.